

**Сборник материалов для
описания местностей и
племен Кавказа**

Выпуск 22

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
С23

С23   Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа: Выпуск
22 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 626 с.

ISBN 978-5-458-01611-7

ISBN 978-5-458-01611-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ I отдѣлѣ XXII выпуска Сборника помѣщены статьи историческаго содержанія (принимая это слово въ обширномъ смыслѣ). Отдѣлъ начинается четырьмя статьями *М. Г. Джанашивили*: „Извѣстія грузинскихъ лѣтописей и историковъ о Сѣверномъ Кавказѣ и Россіи“, „Описаніе Осетин, Дзурдзукин, Дидоэтин, Тушетин, Аланіи и Джикетин“ изъ Географіи Грузіи Вахушта, „О царяхъ Хазаретин“ и поэма „Алгузіани“. „Извѣстія“, извлеченныя изъ грузинскихъ лѣтописей и историковъ, бросаютъ свѣтъ на отношенія Грузіи къ народамъ Сѣвернаго Кавказа. Отношенія эти, не основанныя на прочномъ политическомъ вліяніи или непрерывномъ культурномъ общеніи, имѣли случайный характеръ, и только съ осетинами южнаго склона Кавказскаго хребта поддерживались связи болѣе тѣсныя, которыя иногда даже переходили въ вассальную зависимость. Связи Грузіи съ единовѣрною Русью, въ виду территоріальной разобщенности обоихъ народовъ и политическаго преобладанія Турціи у устьевъ Дона и предгорій Кавказа, ограничивались до XVIII столѣтія только браками царствующихъ родовъ и изрѣдка—присылкой посольствъ. Въ этой статьѣ встрѣчается очень много названій народовъ и мѣстностей, которыя, по возможности, обозначены на прилагаемой картѣ; отмѣчались также въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ и современныя названія, насколько это можно было сдѣлать на основаніи изученія грузинскихъ источниковъ и при теперешнемъ знаніи историко-географической номенклатуры края. Извлеченіе изъ Географіи Грузіи Вахушта даетъ много данныхъ для исторической географіи и отчасти этнографіи Сѣвернаго и Западнаго Кавказа.

Къ нему прилагается также вырѣзка той части изъ карты Вахушта, которая относится въ Осетіи. Отрывокъ „О царяхъ Хазаретіи“ не отличается исторической достовѣрностью, но представляетъ нѣкоторый интересъ въ томъ отношеніи, что упоминаетъ о какомъ-то царѣ сѣверныхъ странъ. Значеніе поэмы „Агузіани“ разъяснено самимъ авторомъ въ его замѣткѣ.

Изъ обѣихъ статей *Е. С. Такайшвили* первая—„**Разборъ армазской надписи по фотографическому снимку**“ даетъ не только болѣе вѣрное чтеніе этой надписи, изданной впервые покойнымъ Бакрадзе, но и опредѣляетъ съ достовѣрной точностью, къ какому вѣку она должна быть отнесена. Прекрасно сдѣланный фотографическій снимокъ надписи доставленъ редакціи д-ромъ И. И. Пантюховымъ, извѣстнымъ кавказскимъ антропологомъ. Вторая статья „**Деревянный антипинъ Метехской церкви въ Тифлисѣ**“ хотя имѣетъ предметомъ и не слишкомъ древній забытый церковной археологіи, но сообщаетъ надпись интересную въ историческомъ отношеніи.

Изъ трехъ статей *В. М. Сысова* двѣ первыя: „**Курджипскій курганъ и его древности**“ и „**Габуккойскій курганъ**“ даютъ весьма обстоятельный отчетъ о раскопкахъ, произведенныхъ самимъ авторомъ, съ подробнымъ описаніемъ добытыхъ изъ этихъ кургановъ предметовъ и сравненіемъ находокъ съ другими греко-скинскими курганными древностями. Въ третьей статьѣ „**Греческія и (римскія) надписи**“ помѣщено не только описаніе найденныхъ въ Кубанской области плитъ съ греческими надписями и амфорныхъ ручекъ со штемпелями, но и указаніе на то, какое мѣсто эти надписи занимаютъ среди другихъ надписей.

*
* *

О статьяхъ, помѣщенныхъ во II отдѣлѣ, предоставляю слово А. А. Богоявленскому, редактировавшему этотъ отдѣлъ.

*
**

Въ III отдѣлѣ помѣщаются чеченскіе тексты, собранные *А. Н. Греномъ*; одна новогреческая пѣсня, записанная *А. Я. Иоакимовымъ*, и четыре великорусскія былины, записанныя на Терекѣ *М. П. Карпинскимъ*.

Чеченская народная пѣсня не лишена поэтическихъ красотъ. Появленіе на сцену русскаго воина, очевидно, терскаго казака, представляется народу въ образѣ грозной тучи, нагоняемой морскимъ вѣтромъ, а подстерегающаго его джигита—въ видѣ хищнаго ястреба. Исходъ борьбы нѣсколько неожиданный: во избѣжаніе неприятныхъ послѣдствій отъ встрѣчи съ гауромъ, пѣсня предлагаетъ расправиться съ нимъ не открытой силой, но предательствомъ.

Пѣсня о *Мальсагѣ-Назрановцѣ*, одномъ изъ сподвижниковъ Шамиля, по своей формѣ, напоминаетъ такія же пѣсни кумыковъ ¹⁾ и аварцевъ ²⁾; она выражаетъ плачь назрановцевъ по уtratѣ народнаго героя. Грустный тонъ элегіи разлитъ по всей пѣснѣ, но мѣстами слышится досада по случаю торжества враговъ. Столкновеніе двухъ чеченскихъ племенъ—назрановцевъ ³⁾ и гехинцевъ ⁴⁾ оканчивается гибелью назрановскаго героя, Мальсага. Довѣрчивый Мальсагъ попадаетъ въ засаду, устроенную гехинцами. Произошла жаркая схватка, и голова Мальсага сватилась отъ удара, нанесеннаго рукою Саадуллы, вождя гехинцевъ.

---

¹⁾ Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. XVII, отд. II, Кумыкскія пѣсни.

²⁾ Сб. мат. XIV, II, Цудахарскія пѣсни.

³⁾ Назрановцы назывались прежде галгаецами, но съ основанія аула Несеръ стали называться несерхой, т. е. назрановцами; они извѣстны также подъ названіемъ ингуши (ангуштъ). Для защиты отъ набѣговъ ингушей построено Назрановское укрѣпленіе, недалеко отъ Владикавказа.

⁴⁾ Гехинцы—геххой, самое сильное племя въ Малой Чечнѣ, живутъ въ окрестностяхъ аула Гехи, недалеко отъ Воздвиженскаго, въ Грозненскомъ округѣ.

Сказка „О храбромъ Назнай“ находится въ ближайшемъ литературномъ родствѣ съ напечатанной въ XXI выпускѣ Сборника кабардинской сказкой „Жалкій бродяга однимъ махомъ побиваетъ больше тысячи“, и потому все сказанное по поводу этой сказки можно повторить и по отношению къ нашей. Но наша сказка имѣетъ болѣе сложный составъ и отличается нѣкоторыми особенностями не только отъ кабардинской сказки, но и отъ аварской „Богатырь Назнай“ ¹⁾, съ которой имя героя у нея общее. Притомъ она, вмѣстѣ съ аварской, служитъ посредствующимъ звеномъ между кабардинской, съ одной стороны, и татарской „Сказка о трусѣ“ ²⁾—съ другой.

Мотивы, въ которыхъ совпадаютъ сравниваемые сказки, слѣдующіе:

1) Въ первой своей половинѣ наша сказка набрасываетъ картину жалкаго труса, боящагося даже пролетающей мухи. Этой чертой она близко подходитъ къ аварской и татарской сказкамъ.

2) Нашъ Незнай убиваетъ незначительное число мухъ (всего 3), но, преувеличивая свой подвигъ, велѣлъ написать на саблѣ, что убилъ 63 нартовъ-эрхустойцевъ. Татарскій герой Ягуджъ, наоборотъ, уменьшаетъ свой подвигъ: убивъ 101 муху, онъ написалъ на дощечкѣ, что однимъ ударомъ положилъ 40 душъ. Аварскій Назнай остается вѣрнымъ истинѣ: убилъ 500 и столько же велѣлъ вырѣзать на своей пашкѣ. Что же касается кабардинскаго Бэега, то онъ остается непричастнымъ обману, такъ какъ надпись сдѣлана рукою незнакомца.

3) Встрѣча съ семью братьями-эрхустойцами напоминаетъ встрѣчу Бэега съ такимъ же числомъ братьевъ. Этой подробности нѣтъ ни въ татарской ни въ аварской сказкахъ:

¹⁾ Сборникъ свидѣній о кавказскихъ горцахъ, вып. II, отд. II, 71.

²⁾ Сб. VI, II, 109.

Ягуджъ попадаетъ въ жилище дива, а Назнай—въ царскій дворець, гдѣ шелъ пиръ горою.

4) Желая произвести впечатлѣніе на нартовъ, нашъ герой даетъ имъ доказательство своей силы, но, какъ человѣкъ слабосильный, прибѣгаетъ къ хитрости: ударяетъ ногою по мѣшку съ мукою, закопанному имъ предварительно въ землю, и оттуда повалила пыль столбомъ. Для той же цѣли Ягуджу потребовались три доказательства силы, при чемъ онъ точно также обманываетъ простодушнаго противника, обладающаго сверхъестественной силой. Та же самая тема—о хитрости и изворотливости, одерживающихъ верхъ надъ физической силой, разрабатывается и во многихъ другихъ сказках¹⁾.

5) Второй своей половиной наша сказка сближается съ аварской и кабардинской, но въ нѣкоторыхъ деталяхъ она расходится съ ними. Такъ, въ ней есть только два эпизода борьбы, изъ которой герой выходитъ побѣдителемъ, между тѣмъ какъ въ сравниваемыхъ сказкахъ ихъ имѣется три. Первый эпизодъ заключается въ борьбѣ съ носорогомъ. При видѣ страшнаго звѣря нашъ герой растерялся: онъ спасается на дерево, но оттуда, лишившись чувствъ, падаетъ на спину носорога, который испугавшись, несется со своимъ сѣдокомъ прямо на аулъ, гдѣ его и убиваютъ. Подобная картина есть и въ двухъ другихъ сказкахъ: аварскій Назнай точно также спасается на дерево, падаетъ оттуда на змѣя, но тотъ окочѣваетъ отъ страха; Бзеге же проявляетъ значительную неустрашимость: онъ съ большою ловкостью вскакиваетъ на спину кабана и скачетъ на немъ верхомъ, на удивленіе всему народу. Во второмъ эпизодѣ нашъ герой побѣждаетъ вражеское войско, но при нѣскольго другой обстановкѣ, чѣмъ

---

¹⁾ Рачинская сказка „Нацарѣкіа“, Сб. XIII, II, 28; Талышинская сказка „Трусъ“, Сб. XX, II, 21; „Силачъ-борецъ и карликъ“, Грузинскія народныя сказки (Тифлисъ, 1887); „Змѣй и цыганъ“, Аванасьева, Народ. Русс. ск. I, 407; другія параллели указаны Аванасьевымъ, IV, 146.

въ упомянутыхъ выше сказкахъ. Онъ не раздѣвается донага, какъ Бэге и аварскій Назнай и хотя уносится самой лошадыю въ средину свалки, но причина бѣшеной скачки другая: лошадь услыхала выстрѣлы и, привывши скакать впереди табуна, мчится съ сѣдовомъ впередъ; въ кабардинской сказкѣ конь несется на непріятельскій станъ, слышавъ ржаніе кобылицы, а въ аварской—голый герой самъ уже погоняетъ лошадь, въ догонку за собакой, схватившей его сапогъ.

Въ нашей сказкѣ есть одна подробность, которой нѣтъ въ другихъ и которая еще рельефнѣе выдвигаетъ трусость героя: не умѣя справиться съ лошадыю, онъ выбираетъ себѣ изъ табуна лошадь помирнѣе, при чемъ прибѣгаетъ къ оригинальному способу испытанія ея нрава—сжимаетъ ей пахи двумя колышками.

Дальше идутъ произведенія народнаго творчества чеченцевъ, записанныя въ *русскомъ* пересказѣ.

Въ первомъ разсказѣ объясняется со словъ народа, **куда дѣвались нарты-эрхустойцы**. Погибшихъ семь нартовъ—это семь блестящихъ звѣздъ на западномъ небосклонѣ, но *какъ* они погибли, объ этомъ здѣсь говорится только вскользь. По словамъ другихъ ¹⁾, эрхустойцы, коварные и завистливые гиганты, вели постоянную борьбу съ Богомъ. Но видя, что эта борьба имъ не по силамъ, они рѣшили повончить съ собою: расплавили красную мѣдь и выпили ее.

Въ разсказѣ „**Приключенія нартовъ**“ говорится о похищеніи сестры семи нартовъ треугольнымъ (то же, что въ другихъ сказкахъ *треуголовымъ*) чудовищемъ. Въ повѣяхъ за сестрой братья дошли до берега моря; шестеро старшихъ пустились на лодкахъ искать ея, но безуспѣшно; младшій остался на берегу, подъ деревомъ. Вдругъ прилета-

¹⁾ Ахривъ въ IV вып. Сб. свѣд., ст. „Изъ чеченскихъ сказаній“ и Лаудевъ въ VI вып. того же Сб., ст. „Чеченское племя“.

ють голуби и, усѣвшись на деревѣ, сообщаютъ другъ другу, какъ найти дѣвушку; нартъ, зная птичій языкъ, подслушала ихъ и сказала объ этомъ братьямъ. Въ другихъ сказкахъ ¹⁾, подъ видомъ трехъ голубей, являются три ангела, или нечистая сила, или другія какія-нибудь птицы и даже звѣри; обыкновенно они обсуждаютъ судьбу человѣка ²⁾ и стараются указать средство вернуть героя въ жизни ³⁾. По совѣту голубей братья освобождаютъ сестру и берутъ въ плѣнъ чудовище; но лишить его жизни они не въ состояніи, такъ какъ душа *не была* съ нимъ. Такъ же неуязвимъ и „Кощей Безсмертный“ русскихъ сказокъ ⁴⁾, если жизненная его сила сокрыта въ мѣстѣ, *неизвѣстномъ* герою. Но вольско герою сказки удается отыскать мѣсто, гдѣ заключается душа (сердце или прямо сила) чудовища, оно мгновенно умираетъ ⁵⁾.

Сказка „Путешествіе нарта“ принадлежитъ къ тому же типу сказокъ, что и кабардинская сказка „Хагоръ“ ⁶⁾, но послѣдняя представляетъ собою контаминацію двухъ самостоятельныхъ сказочныхъ сюжетовъ, послужившихъ темою двухъ чеченскихъ сказокъ: сказки „О Султанѣ“ ⁷⁾, въ которой рассказывается о прелюбодѣяннн жены (этотъ мотивъ есть и въ нашей сказкѣ) и превращеніяхъ обманутаго мужа въ собаку и воробья, и нашей—о приключеніяхъ героя въ пещерѣ одноглаза. Входя въ составъ кабардинской сказки, наша сказка не отличается тщательной отдѣлкой нѣкоторыхъ

¹⁾ „Богатырь Гасанъ“, Сб. XXI, II, 3; „О трехъ братьяхъ и сестрѣ-дурочкѣ“, Сб. XIX, II, 62; „Рустемъ Гуль“, Сб. XIX, II, 192.

²⁾ Ае. IV. 68, 69, 71, 81.

³⁾ Литература этого мотива указана у Ае. IV, 196; у Н. Θ. Сумцова, Малорусскія сказки по сб. Кольберга и Машинской, 103.

⁴⁾ Ае. IV, 163. Параллели этого широко распространеннаго мотива указаны въ ст. Н. Θ. Сумцова, Разборъ этнограф. трудовъ Романова, 81.

⁵⁾ „Хиръ-хиръ Кѣса“, Сб. XIII, II, 109; „О царевичѣ и воспитанникѣ вдовицы“, Сб. X, II, 285.

⁶⁾ Сб. XII, II, 87. Въ замѣткѣ къ этой сказкѣ указаны параллели.

⁷⁾ Сб. свѣд. вып. IV, отд. VI, 22.

деталей, и потому то, что приводится въ ней какъ нѣчто случайное или безъ должной мотивировки, приходится выяснять изъ этой родственной по содержанію сказки. Такъ, на примѣръ, въ нашей сказкѣ говорится о томъ, что нарта-силача направляетъ къ эрхустойцу Али, пострадавшему въ жилищѣ великана, олень съ золотыми рогами, но кто этотъ олень, сказка такъ и не выясняетъ. Эта подробность становится ясной, по прочтеніи кабардинской сказки: изъ нея мы узнаемъ, что дичью обернулась младшая дочь Хагора, чтобы найти охотника-силача и этимъ спасти погибшихъ братьевъ. Приведу еще одну подробность: герой нашей сказки прячется отъ великана подъ брюхомъ козла, но остается въ первый день въ его жилищѣ. Для насъ составляетъ загадку, къ чему человѣку, обладающему сверхъестественной силой, нужно было скрываться отъ великана, если онъ могъ съ нимъ справиться тутъ же, не дожидаясь даже слѣдующаго дня. Все это не возбуждаетъ никакого недоумѣнія въ кабардинской сказкѣ: она заставляетъ подъ брюхомъ козла спастись Хагора, человѣка *обыкновенной* силы. Какъ видно, нашему герою присуждена двойственная роль: Хагора и охотника-силача кабардинской сказки, хотя онъ, обладая качествами послѣдняго, общаго имѣетъ съ Хагоромъ только то, что дѣлается жертвою обмана своей невѣрной жены.

Отмѣчу еще слѣдующія особенности сравниваемыхъ сказокъ:

1) Хагоръ кабардинской сказки выкалываетъ великану единственный его глазъ (какъ и въ мингрельской сказкѣ ¹⁾). Эта подробность отсутствуетъ въ чеченской сказкѣ: нашему герою, какъ силачу, не нужно было лишать зрѣнія одноглаза, чтобы этимъ сдѣлать его безпомощнымъ.

---

¹⁾ Литература объ одноглазѣ у Аванасьева, Нар. русс. ск. IV; у В. О. Миллера „Отзывъ о V вып. Сб.“; у Н. О. Сумцова, Разборъ этногр. трудовъ Романова, стр. 85.

2) Одноглазъ нашей сказки отличается большей прожорливостью, чѣмъ кабардинскій и мингрельскій; тѣ довольствуются однимъ или двумя баранами, между тѣмъ какъ чеченскій поѣдаетъ сперва 7 лошадей, а затѣмъ въ два раза по 63 овцы. Вообще цифра 63—излюбленное число нашихъ сказокъ.

3) Когда Али отправился на розыски нарта, то ему навстрѣчу попадается сумасшедшій пастухъ. Появленіе сумасшедшаго имѣетъ назначеніе подготовить Али къ неожиданной радости—возвращенію братьевъ. Эта подробность въ кабардинской сказкѣ оказалась излишней, такъ какъ Хагоръ самъ присутствовалъ при оживленіи своихъ дѣтей.

Сказка „Путешествіе трехъ князей“ начинается съ картины нартовскихъ игръ, которая напоминаетъ намъ подобныя же игры нартовъ на селонѣ пятиглаваго Ошхатху (Бештау) ¹⁾. Свидѣтелями этихъ игръ дѣлаются ненавидимые нартамъ люди, въ лицѣ трехъ князей, отправившихся путешествовать; желая ихъ погубить, нарты направляютъ каждаго по такой дорогѣ, на которой ихъ ожидала вѣрная гибель. Мотивъ о трехъ дорогахъ встрѣчается и въ другихъ сказкахъ, но обыкновенно одна дорога ведетъ къ счастью. Такъ и въ нашей сказкѣ: одинъ изъ князей, воспользовавшись удобной минутой, убиваетъ нарта, встрѣтившагося ему на пути, а затѣмъ женится на вдовѣ убитаго. Такимъ образомъ, обыкновенный человѣкъ остается побѣдителемъ надъ нартомъ-великаномъ.

Чеченское мифическое существо „Алмазъ“ можно сблизить съ картвельскими али ²⁾ или ваці ³⁾, армянской пери ⁴⁾ и подобными же существами, извѣстными лезгинамъ, погай-

¹⁾ Сб. XII, I, 45.

²⁾ Сб. XVII, II, 164; XVIII, III, 865.

³⁾ Сб. XVII, II, 97; XVIII, III, 368.

⁴⁾ Сб. XVII, II, 174.

цамъ, закавказскимъ татарамъ и даже терскимъ казакамъ ¹⁾.
 Подробнѣе объ „алмасѣ“ говорится въ Сборникѣ свѣдѣній о
 кавказскихъ горцахъ (вып. VI, отд. II, стр. 53).

Сказка о встрѣчѣ съ мнѳическимъ существомъ „Іешепъ“
 можетъ быть сближена съ такой же аварской сказкой „Чил-
 бивъ и картъ“ ²⁾: „Іешепъ“ и „Картъ“—это аналогичныя
 существа. Но аварская сказка въ нѣкоторыхъ деталяхъ от-
 личается лучшей мотивировкой. Такъ, напримѣръ, въ нашей
 сказкѣ не выяснено, какъ это могло случиться, что іешепъ
 вмѣсто чужихъ дѣтей зарѣзала своихъ. По аварской версіи
 это объясняется находчивостью Чилбива: онъ переложилъ
 трехъ дочерей кровожадной женщины-картъ на ту постель,
 гдѣ самъ лежалъ съ братьями, и такимъ образомъ она зарѣ-
 зала по ошибкѣ своихъ дочерей. Такъ же, по ошибкѣ, уби-
 ваетъ своихъ дочерей баба-яга въ русской сказкѣ „Баба-яга
 и заморышекъ“ ³⁾.

„Царь звѣрей съ топоромъ на груди“ по нѣкото-
 рымъ чертамъ близко подходитъ къ груз. каці-мужчинѣ ⁴⁾,
 который имѣетъ на груди три топора, съ направленнымъ
 впередъ остриемъ. Встрѣча съ царемъ звѣрей напоминаетъ
 нѣкоторыми своими деталями такую же встрѣчу мингрельца
 Джвибы съ очокочи ⁵⁾: и Джвиба стрѣляетъ въ дикаго чело-
 вѣка, послѣ того какъ тотъ набросился на бурку, думая тамъ
 найти своего врага. О лѣсныхъ людяхъ у чеченцевъ-ингу-
 шей упоминается и въ другихъ сказкахъ ⁶⁾.

Въ числѣ симпатическихъ средствъ чеченцевъ сооб-
 щается одно отъ сглаза, а другое—отъ послѣдствій неумѣст-
 ныхъ разговоровъ объ умершихъ.

¹⁾ См. мою замѣтку на стр. 27, гдѣ и указаны параллели.

²⁾ Сб. свѣд. вып. II, отд. III, 25.

³⁾ Ае. I, 85. Литература мотива въ IV, 62.

⁴⁾ Сб. VIII, III, 360.

⁵⁾ Сб. V, II, 101.

⁶⁾ Сб. свѣд. вып. VI, отд. II, 10.